

Л. В. САВЕЛЬЕВА

Светотень утверждения—отрицания в поэтике «Слова о полку Игореве»

«Пыль веков», отделяющая современного читателя от времени создания «золотого слова» древнерусской и мировой литературы, не смогла притушить ярких красок языковой палитры его автора.

Исследование национально-исторических корней эстетики «Слова о полку Игореве», которое позволило бы проникнуть в тайну его непреходящей поэтической власти, — проблема, доступная лишь совместным усилиям литературоведов, лингвистов, историков, философов. При этом пролить свет на некоторые особенности творческого метода автора, выяснить соотношение традиций и новаторства, узуального и окказионального в его стилистической манере позволяет изучение художественных функций языковых категорий в контексте идейно-эстетического замысла его создателя. Хотя в специальных трудах и обращалось внимание на былинную традицию отрицательного параллелизма в «Слове о полку Игореве», в целом синтаксическая стилистика «Слова» практически не изучалась лингвистами.

Целью настоящей статьи является анализ поэтических функций отрицательных построений в связи с идейно-художественной направленностью памятника. При этом нами рассматриваются как общеотрицательные предложения, актуализирующие всю информацию в целом, так и частноотрицательные предложения, а также присоединительные негиреваемые члены, актуализирующие часть информации.

Большинство негативных структур памятника (а их общее число 34) в словесно-художественной ткани произведения не только передает логико-понятийное содержание, но используется как изобразительное средство. Антитеза — один из главных художественных приемов народной поэзии — лежит в основе поэтики «Слова о полку Игореве», художественная система которого, по словам академика Д. С. Лихачева, «вся построена на контрастах».¹

Исследователи уже отмечали, что в русле народно-поэтической традиции, уходящей своими корнями в языческое мышление восточных славян, автор «Слова» широко привлекает антитезу семантических полей света — тьмы, светлого — черного.² Их сквозное противопоставление как положительного и отрицательного начал в метафорическом языке «Слова» прекрасно дополняется контрастностью двух типов модальности высказывания: отрицание и утверждение, передавая определенную информацию, вместе с тем выполняют стилистическую роль и насыщают поэтический подтекст различными эстетическими ассоциациями.

¹ Лихачев Д. С. Слово о походе Игоря Святославича // Слово о полку Игореве. 2-е изд. Л., 1967. С. 20. (Б-ка поэта; Большая сер.).

² Андрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 20—41.

Художественный контраст — основа построения столь совершенного по форме зачина «Слова о полку Игореве», внутренняя диалогичность которого в структурном отношении создается чередованием отрицательной и утвердительной модальности высказывания: *«Не а́по ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславлича?»* Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню! . . .» (43).³ При этом начальная отрицательная структура используется с экспрессивной функцией, для создания особой доверительной интонации, как бы приглашающей к совместному размышлению. Мысль о книжных истоках знаменитого зачина, разделяемая современными исследователями-литературоведами, подтверждается и чисто языковыми сопоставлениями с зачинами (или прологами) авторов ораторских «Слов», в которых модальное переключение отрицания—утверждения выступало необходимым структурным элементом, организующим сцепление ассоциаций. См., например: *«Си же словеса шесть, господи мой, не о себе мы есмы сотворили,* но ово от Ексамера святаго Василиа истовая словеса, ово же и разумы от него приемлюще, тако же и от Иоанна. . .» (Иоанн Экзарх Болгарский. Шестоднев. Пролог);⁴ *« . . .но не буди намъ особъ подвижнуги ненаказанъ языкъ,* но от божественныхъ вземлюще писаний; со многою боязнью еуангельскихъ касаемся бесѣдовати словес, господню притчу сказующе, юже Матѣи церкви предасть» (Кирилл Туровский. Притча о человеческой душе).⁵

Однако в отличие от проповеднической ораторской прозы автор «Слова о полку Игореве» не просто ссылается на своего предшественника. Сквозь метафорические аллегории, имитирующие творческую манеру Бояна, сквозь пышную хвалу в адрес «соловья старого времени», как тонко заметил еще А. С. Пушкин, пробивается едва намеченная ирония: «Стихотворцы некогда не любили упрека в подражании, и неизвестный творец „Слова о полку Игореве“ не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна». ⁶ Итак, автору недостаточно просто выбрать одну из заявленных манер, именно четкий модальный шов, контраст утвердительной и отрицательной модальности помогает автору оттолкнуться от слога Бояна и на основе художественного контраста создать свой совершенный по форме зачин «былины нового времени», построенный как творческий диалог с предшественником.

Светотень утверждения—отрицания синтаксически организует многие исторические ассоциации автора. Так, «свивая славы оба полы сего времени», создатель «Слова» не просто сопоставляет две генеалогические эпохи — «дедов» и «внуков», но, вдохновленный высокой этической идеей, резко противопоставляет их: мощь и сила князей «старого времени» рисуются автором в художественном контрасте с мрачным и горьким настоящим, разьедаемым княжеским «нелюбьем» и «крамолами». Поэтика контраста предопределяет отбор языковых средств с необходимым использованием модального переключения: *«О, стонати Руской земли, поманувше пръвую годину и пръвыхъ князей! Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нъ розно ся имо хоботы пашугъ»* (54).

Описываемый в «Слове» побег Игоря из плена и успешная переправа его через Донец вызывают в исторической памяти автора аналогию с трагической судьбой князя Ростислава Всеволодовича, погибшего при переправе через Стугну, и эта ассоциация отливается в поэтические образы двух

³ Здесь и далее цит. по: Слово о полку Игореве. 2-е изд. (Б-ка поэта; Большая сер.).

⁴ См.: Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 190.

⁵ Там же. С. 292.

⁶ П у ш к и н А. С. «Песнь о полку Игореве» // Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 5, С. 397.

рек, контрастное противопоставление которых экспрессивно усиливается сменой модальности. Так, если изображение Донца как покровителя Игоря, лелеявшего князя на своих волнах, стлавшего ему «зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ», одевавшего его «теплыми мъглами», чутко оберегавшего его пугливыми птицами, дано с модусом утверждения, то изображение Стугны — губительницы, воды которой безжалостно поглотили молодого юношу, дается как бы с противоположным, отрицательным знаком: *«Не тако ли, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, рострена к усту, уношу князю Ростиславу затвори днѣ при темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою къ земли прѣклонилось»* (55). Экспрессивная функция модального негатора здесь совмещается с текстообразующей.

Используя светотень отрицания — утверждения, автор «Слова» не всегда накладывает ее такими широкими и размашистыми штрихами, определяющими построение целых отрезков текста. Не менее убедительны филигранно отточенные детали с наложением этой светотени. Так, рисуя кровавую битву на Немиге как художественный образ мирного труда земледельцев, автор завершает этот образ своеобразным обобщением непримиримого конфликта мира и войны в лапидарной форме модального переключения: *«Немизѣ кровави брезѣ не бологом бяхуть посьѣани, посьѣани костми Рускихъ сыновѣ»* (54).

Экспрессивные потенции противопоставления двух модальностей особенно ярко реализованы в конструкциях отрицательного параллелизма, выполняющих функцию метафорической антитезы. Негируемая часть, заключающая в себе своеобразную аллгорию, создает эмоциональный фон для второй, повествовательной части: *«Не буря соколы занесе чрес поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому»* (44): *«А не сороки втроскоташа — на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ»* (56). Устно-поэтические истоки отрицательно-аллгорической образности таких миниатюр не вызывают сомнений. Как способ поэтизации отрицательный параллелизм зародился в героико-поэтическом фольклорном жанре и остается «наиболее характерным и типичным приемом русского эпоса».⁷

В структуре и поэтических функциях отрицательного параллелизма «Слова» своеобразно сочетаются традиции и новаторство художника-песнотворца. В духе народно-поэтического эпоса основой для отрицательных сравнений служит «признак действия, движения».⁸ За пределы традиции не выходит тематика образов отрицательных сравнений в «Слове» (ср. стихийные явления, животный и растительный мир, некоторые предметы быта в былинной поэтике). В целом, как и для народных сказителей, для автора «Слова» отрицательный параллелизм служил средством создания эпически масштабного, эмоционально действенного и одновременно реалистического образа.

Вместе с тем создатель «Слова» творчески преобразовывал эти традиции. Ср.: *«Боян же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣ пуцаше, нѣ своя веща прѣсты на живая струны вѣскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху»* (44). Отрицательная аллгория построена здесь на базе однородных членов-сказуемых, а не на основе сложного предложения с разными субъектами действия, как это мы всегда наблюдаем в устно-поэтической традиции. Обращает также на себя внимание субъективность образа отрицательного сравнения, что усиливает выразительность метафорической антитезы. Интересно, что все три отрицательные аллгории создаются в тексте «Слова» за счет излюбленных автором образов животного мира (точнее, птиц), и это связано не только со знанием фауны южнорусской степи и знанием княжеского быта (воссозданного в картине соколиной

⁷ Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 522.

⁸ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 147.

охоты), для автора имеет особое значение звуковая выразительность отрицательных символов.

Попарное использование отрицательных и утвердительных конструкций в приеме художественной антитезы — только один из способов наложения светотени в поэтике «Слова». Другим, не менее важным приемом поэтического мастерства являются одиночные или повторяющиеся негативные структуры с особым приращением эстетического смысла на общем фоне повествования позитивной модальности.

При этом автор реализует остроэкспрессивные потенции негативных предложений, вытекающие из их перифрастической, по сравнению с утверждением, природы. Известно, что из двух возможных модальностей — утвердительной и отрицательной — при выражении большей категоричности высказывания в языковом узусе предпочитается отрицание как маркированный член этой синтаксической оппозиции.⁹ Эта тенденция языкового узуса в индивидуально-авторской речи отражена в подтексте отрицательных структур, передающих особую категоричность. Как предвосхищение будущих драматических событий, которое подчеркивает динамическую напряженность действия и активизирует эмоциональное восприятие читателя, звучит своеобразное лирическое отступление автора, построенное в форме отрицательного предложения: «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! *Не было онъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрънымъ воронѣ, поганымъ Половчине!*» (47). См. также «припевку» вешего Бояна: «*Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути!*» (54). Лаконизм и афористичность этой поэтической формулы, ориентированные на художественную структуру послевичного речения, подчеркнуты особой законченностью ритмического рисунка, которая создается логическим ударением отрицаемого главного члена. Аналогичные «предгрозовые раскаты», оформленные как отрицательно-инфинитивные конструкции, характерны для былинной поэтики.¹⁰

Иной эстетический подтекст имеет отрицание как стилистическое средство в «плаче» русских жен, художественная система которых во многом близка русским народным причитаниям. Общая эмоциональная тональность народного реквиема здесь создается четырехкратным напизыванием отрицательно-инфинитивных структур, построенных по архаичному монологическому типу, предшествовавшему развитию славянского прилагательного отрицания: «*Уже намъ своихъ мыльхъ ладѣ ни мыслию смыслити, ни дуюю сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати*» (49). Заметим при этом, что экспрессивный характер монологических структур подчеркивается инверсией глагольных словосочетаний. Разумеется, идейно-эстетические задачи автор решает не только с помощью отрицания: свою роль в словесно-художественной ткани «Слова» играют и другие взаимно проникающие средства — синтаксические, морфологические, лексико-фразеологические, ритмико-интонационные и пр. Однако не подлежит сомнению, что в этом микротексте реализуется один из главных эстетических принципов художественного стиля автора «Слова о полку Игореве» — творческая переработка фольклорных эмоционально-выразительных языковых структур. Сравним, например, негативные построения в традиционных сказочных формулах: «*ни в сказке сказать, ни пером описать*»; «*ни пройти, ни проехать, ни умом подумать*»;¹¹ в традиционных обихих местах былины: «*Не мог бы ты, Добры-*

⁹ Ср. у А. М. Пешковского: «Нулевой категорией к категории отрицания служит категория утверждения, не имеющая, как и большая часть нулевых категорий, собственных средств выражения» (Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 390).

¹⁰ Савельева Л. В. Поэтические функции отрицательных конструкций в русской былинке // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1979. С. 15.

¹¹ Русские народные сказки Карельского Поморья. Петрозаводск, 1974. С. 52, 135, 194.

нюшка, ни дни бы не дневать, ни часу бы часовать»; ¹² в рекрутских причитаниях: «И не бывать да на родимой буде родинке, И не хаживать по хорошему стреньицу, И нам не сиживать во светлой буде светлице». ¹³

Сложность и неоднозначность жанровой природы «Слова» как произведения словесного искусства раннего средневековья ¹⁴ обусловила многообразие авторских приемов использования модальности в эстетических целях. Анализ поэтического мастерства автора в этом отношении не полон без «злата слова» Святослава как идейно-художественного центра произведения. Черты поэтики торжественной, ораторской прозы, известной нам по гомилетическим сочинениям, здесь явственно проступают, в частности, в авторских приемах светотени отрицания—утверждения. Так, в риторических фигурах Святослава, обращенных к князьям, более всего используются экспрессивные возможности вопросительно-отрицательных предложений. Доверительная интонация совместного размышления и совместных экскурсов в прошлое вырастает здесь до патетических тонов общественного трибуна: «Великий княже Всеволоде! *Не мыслию ти прелетѣти издалеца отня злата стола поблюсти?* Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти. . . Ты, буй Рюриче, и Давыде! *Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ?* Вступитя, господина, въ злата стремена за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, бугеа Святъславлича!» (52). При этом отрицание играет новыми поэтическими красками, так как сама «мнимо-отрицательность» усиливает противоположную модальность, являясь эмоционально-экспрессивным средством утверждения. Тем самым для выполнения основной идейно-художественной задачи — убедить князей в необходимости единения перед лицом врага — избирается наиболее целесообразная модальность, как бы заключающая игру светотени в самой себе.

Таким образом, авторская техника наложения светотени утверждения—отрицания своей корневой системой уходит в народную поэзию и питается ею. Другим ее заметным истоком является высокая культура устной ораторской речи. Вместе с тем в художественной структуре «Слова о полку Игореве» эти приемы получают новое приращение эстетического смысла, так как носят на себе печать истинной, народной поэзии, обогащенной интонацией трибуна-гражданина. Тем самым зримая и слышимая красота окружающего мира, трепетно переданная великим песнотворцем и осмысленная его высокой общерусской идеей, выступает как создание восточнославянского народного духа.

¹² Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1971 года. СПб., 1873. № 267.

¹³ Федосова И. А. Избранное. Петрозаводск. 1981. С. 118.

¹⁴ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и процесс жанрообразования XI—XIII вв. // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 72.